

Глава 8. Владыки как перводвигатели

1. Роль общественного устройства

В течение третьего тысячелетия до новой эры в человеческой культуре произошли глубокие перемены. Возникла история — понимаемая как передаваемые записи событий во времени; а в нескольких больших речных долинах зародились новые установления, которые мы связываем с понятием «цивилизация» (данный термин я позднее заново определю и уточню). Археологи пытались представить эту перемену главным образом как результат технических изменений — изобретения письменности, гончарного круга, ткацкого станка, плуга, использования металла для изготовления орудий и оружия, массовой культивации злаков на открытых полях. Гордон Чайлд [30] даже ввёл сомнительное понятие «городской революции» как завершающей стадии предшествовавшей ей «сельскохозяйственной революции».

Все эти технические усовершенствования были очень важны; однако за ними скрывалась более значимая движущая сила, которую обычно не замечают — открытие власти как нового вида общественного устройства, способного повысить человеческий потенциал и вызвать изменения во всех сферах существования: о таких изменениях мелкие, привязанные к земле общины, стоявшие на раннеолитической ступени, не могли бы даже и мечтать.

Пытаясь гипотетически реконструировать доисторические времена, я стремился показать, что каждое техническое достижение было связано с необходимыми психосоциальными преобразованиями, как предшествовавшими ему, так и следовавшими за ним: эмоциональное единение и строгая дисциплина ритуала, начатки отвлечённого общения с помощью языка, нравственное наполнение всякой деятельности, подчинение дисциплине табу и строгих обычаев помогали обеспечить сплочённость человеческой группы.

На отмеченных «трёх китах» — единение, общение и сплочённый труд, — и стояла деревенская культура в целом. Однако за пределами замкнутой территории племени или села эти наиболее важные социальные принципы действовали лишь спорадически и неэффективно. Сам общинный порядок был распространён повсеместно, однако каждая группа оставалась своего рода социальным островком, отрезанным от всех прочих групп. Везде, где деревенская культура была предоставлена самой себе, она со временем превращалась в «окаменелость»; а если позднее она продолжала развиваться, то либо её понуждало к слиянию более крупное общество, либо она перенимала новые обычаи, просачивавшиеся в неё из более высокоразвитых цивилизаций.

Из раннего неолитического комплекса установлений (?) вырос новый вид социальной организации — уже не рассеянный по маленьким группам, а объединённый в одну большую; уже не «демократичный», то есть основанный на соседской близости, давних привычках и согласии, а авторитарный, с централизованной властью, которая находится в зависимости от доминирующего меньшинства; уже не привязанный к ограниченной территории, а намеренно «выходящий за границы», чтобы завладеть сырьём и поработать беззащитных людей, насаждать своё владычество и налагать дань. Эта новая культура была посвящена уже не просто улучшению жизни, но расширению коллективной власти. Совершенствуя новые инструменты принуждения, правители такого типа общества к третьему тысячелетию до новой эры добились промышленного и военного могущества в масштабах, остававшихся непревзойдёнными вплоть до нашей эпохи.

Отныне человеческие устремления покидают ограниченную горизонтальную плоскость деревни и семьи и устремляются вверх по вертикальной плоскости целого общества. Новая община образовала иерархический строй — некую социальную пирамиду, которая от своего основания до вершины охватывала множество семей, множество деревень, множество занятий, нередко множество региональных сред обитания, и — что тоже немаловажно — множество богов. Такое политическое устройство явилось главным изобретением новой эпохи; без него не были бы возведены ни её памятники, ни её города — как, впрочем, не произошло бы их преждевременного разрушения.

Некоторые из благоприятных культурных результатов таких перемен я уже обрисовал в «Городе в истории», поэтому здесь сосредоточусь на их технических последствиях. Новый общественный строй, по-видимому, способствовал объединению и слиянию двух культурных комплексов, доисторический ход которых мы старались проследить выше; и не удивительно, что это соединение произошло в жарких речных долинах Иордана, Тифа и Евфрата, Нила и Инда. С палестинских, иранских, абиссинских нагорий спустились охотники и лесорубы и, по всей вероятности, сделались первыми культиваторами зерна. В низовьях рек, где среди пересыхающих болот и озёр начали возникать зелёные островки культивации, по-прежнему оставалось достаточно дичи, чтобы пробуждать пыл в охотнике и доставлять хлопоты земледельцу: поэтому некоторое время оба сосуществовали в счастливом симбиотическом союзе.

Зато с юга и востока явилась мезолитическая культура садов с её сахаром, маслами, крахмалами и пряностями — необходимым дополнением к зерну, позволявшему прокормить всё более многочисленное население. Народам, живущим в основном финиками, кокосами или плодами хлебного дерева, известна та свобода от изнурительного труда, которая, наверное, и придавала их землям сходство с Садам Эдема — каковым они продолжали казаться и Герману Мелвиллу [31] всего сто с лишним лет назад. Свидетельством в пользу такого смешения могут служить предметы месопотамского происхождения, найденные в Хараппе и Мохенджо-Даро на реке Инд [32], тогда как под слоем гипса Вулли откопал в Уре [33] две бусины из амазонита — камня, ближайшее месторождение которого находится в горах Нилгири в Центральной Индии. Возможно, что подобный широкий обмен окультуренными растениями начался на ещё более ранней стадии.

И технические, и общественные составляющие «цивилизации» возникли почти в то же самое время в «классических» речных долинах, протянувшихся от Нила до Хуанхэ; и если смешение разнообразнейших потребностей и изобретений (?) послужило причиной невероятного взрыва могущества, который в действительности произошёл, то для подобного смешения нельзя было найти лучших географических условий. До изобретения колёсного транспорта и одомашнивания лошадей и верблюдов (а этот процесс, по сути, продолжался вплоть до конца XIX века) главным средством и перевозок, и связи оставалась река; и даже огромный океан был меньшим препятствием человеческому общению, чем горы и пустыни.

Крупные реки служили дренажными бассейнами не только воды, но и культуры; по ним переправляли как растения, так и различные ремёсла и технические изобретения; к тому же, присутствие реки обеспечивало запас воды, необходимый для выращивания больших урожаев в толстых слоях плодородного ила. В Месопотамии можно было каждый год снимать по два или три урожая ячменя или пшеницы. При надлежащем обращении (а оно уже вскоре появилось) прежнее деревенское хозяйство, нацеленное преимущественно только на выживание, со временем должно было превратиться в экономику изобилия.

Новый приток энергии, поступивший от пищи (и сравнимый с той энергией, которую в XIX веке давали уголь и бензин), помогая человеку и в работе на земле, и в создании нового типа политического общества. Однако никакое орудие и никакая машина в общепринятом смысле слова не определяло ту форму, какую принял этот строй, поскольку в Египте, в Месопотамии и, наверное, в других местах новый социальный и идеологический комплекс утвердился ещё до изобретения колёсного транспорта и плуга — и даже письменного языка. Обычные механические изобретения лишь ускорили и облегчили становление этой новой формы общественной организации.

2. Изменение масштаба

С точки зрения нашего нынешнего технического состояния, этот прорыв к «цивилизации» истолковать трудно. Хотя ни один технический фактор в отдельности не отмечал перехода от неолитического хозяйства к типичным формам хозяйства, сосредоточенного вокруг власти, во власти недостатка не было, — причём в такой власти, что могла возводить, — а то и сдвигать — горы, ещё до того, как начали плавить руду и применять металлические орудия с твёрдыми краями. Вместе с тем, «цивилизация» с самого начала сосредоточивалась на машине; и нам будет легче понять, что нового появилось в постнеолитической технике, если мы поместим новые изобретения рядом с теми институтами власти, которых они требовали. Тогда мы увидим, как мощь незримой машины предвосхитила саму машину.

Обратившись к ранним шумерским и египетским записям, мы увидим, что главным источником власти по-прежнему является сельское хозяйство: это массовый посев злаков на огороженных и измеренных полях, границы которых обязаны восстанавливать общественные власти, если их размочит наводнение. Культивация зерна происходит под контролем властей, так как земля и её плоды принадлежат местному богу, а излишки

урожая свозятся в специальные закрома внутри мощных крепостей недавно возведённых городов. По мере того, как население в долинах рек росло и все доступные земли оказывались в чьих-то руках, сеть оросительных каналов, прежде действовавшая в деревнях в скромных масштабах, отныне уступала место обширной системе водоснабжения, которой тоже ведали власти; и именно благодаря неусыпному и всестороннему контролю со стороны храмов и дворцов впервые появилась письменность — для того, чтобы вести учёт количеству собранного и израсходованного урожая. Правительственные чиновники, собиравшие и распределявшие зерно, имели власть над всем населением.

В этих операциях становились всё заметнее два изменения: изменение порядка и изменение масштаба. Общим фактором, характерным для всей этой деятельности, было возрастание механической упорядоченности, математической точности, специализированных навыков и знаний и, самое главное, централизованной информации. Эти новые качества проистекали напрямую из систематического наблюдения за небосводом и тщательного вычисления движения планет и смены времён года.

Хотя наши сведения о вавилонской астрономии и математике почерпнуты из очень поздних документов, возникновение египетского календаря в начале третьего тысячелетия до новой эры указывает на то, что он явился завершением длительного и всеохватного процесса точного наблюдения и образной математической системы счисления. Интерес к небесным телам и обнаружение динамичного порядка в их мнимо хаотичном расположении, наверное, знаменовали один из первых триумфов цивилизованного человека.

Разработка этого нового языка наделила владевших им людей — то есть раннее жречество — исключительной властью астрономических, а позднее и метеорологических предсказаний, что послужило источником сверхъестественного могущества жрецов, ибо они сделали толкователями космических явлений и их воздействия на человеческие судьбы. И это умение, в отличие от магии, уже не терпело поражений перед лицом каких-нибудь недвусмысленных событий. Упорядоченный космос, открывавшийся таким образом умопостижению, удовлетворял одну из глубоких потребностей человека, — хотя, пожалуй, сама эта потребность и явилась порождением выявленного порядка. Вольтерьянское представление будто институт жречества был создан только для того, чтобы дурачить и шантажировать легковёрный народ, не служа при этом никаким видимым целям, не учитывает, что храм, в силу владения этим высшим знанием, вносил существенный вклад в массовое земледелие, согласовывая во времени все сельскохозяйственные работы.

Древнейшая стадия такой религиозной трансформации предшествует возникновению письма, и потому о ней можно судить лишь по позднейшим документам. Однако имеющиеся свидетельства в целом указывают на смещение культового интереса от богов вегетативного и животного плодородия — подверженных людским слабостям, страданиям, несчастьям и гибели, — к богам небес: Луне, Солнцу и планетам, молнии и бурному ветру — могущественным и неумолимым, страшным и беспощадным, никогда не сбивающимся со своего пути. Атум и Энлиль, как позднее Мардук и Зевс, являлись воплощениями космической мощи [34]. В хеттском ритуале, который надлежало совершать при возведении нового царского дворца, произносились такие слова: «Мне, Царю, боги — Бог Солнца и Боги Погоды — вверили землю и мой дом».

В большинстве культур эти земные и небесные боги продолжали сосуществовать бок о бок; но если вегетативных богов народ по-прежнему любил и жалел больше, не стоит сомневаться насчёт того, кто оказывался могущественнее.

Регулярность и упорядоченность, которые впервые появились благодаря таким неолитическим занятиям, как обтачивание и шлифовка, и сделались заметными в геометрических узорах и украшениях, отныне распространились на весь природный ландшафт: прямоугольники, треугольники, пирамиды, прямые линии, огороженные межами поля свидетельствовали и об астрономическом порядке, и о строгом человеческом контроле. Стандартизация стала отличительной чертой нового царского хозяйства практически повсеместно. Конфуций, говоря о гораздо более раннем достижении этой культуры, заметил: «Теперь во всей империи повозки имеют колеса одинаковой величины, все записи делаются одинаковыми значками, и правила поведения тоже везде одинаковы».

Но, что самое важное, произошло изменение масштаба. Отличительные приметы новой технологии — определение количества (и его увеличение). Вместо маленького неолитического капища вырастает огромный храм — «Дом-Гора», — а поблизости — громадный амбар; вместо кучки хрупких деревенских домишек с глинобитными стенами, где обитало несколько десятков семей, строится опоясанный мощными стенами город, вмещающий уже тысячу или больше семейств, — не просто человеческий дом, а обителище какого-то бога: по сути, копия Небес. Такое же изменение масштаба сказывается во всех сферах жизни и, не в последнюю очередь, в её ритме. Перемены, для совершения которых некогда понадобились бы десятки лет, теперь совершались едва ли не мгновенно, — и не оттого, что в распоряжении строителей и ремесленников появились лучшие орудия или снаряжение, а оттого, что отныне воцарился чрезвычайно действенный тип общественного устройства, до тех пор не известный.

Поскольку наши документы относятся в основном к недолго продолжавшемуся бронзовому веку и последовавшему за ним железному у учёных появлялся соблазн делать особый упор на многочисленные технические достижения, впервые ставшие возможными благодаря использованию меди и бронзы. Но те коренные изменения, на которые призываю обратить внимание я, произошли за многие века — возможно, даже тысячелетия, — до эпохи металла.

Гордон Чайлд, попытавшийся объяснить этот повсеместный быстрый рост могущества и самоуверенной человеческой власти главным образом изобретениями вроде плуга и военной колесницы, обошёл вниманием самый важный факт — а именно, что технологический эксгибиционизм, характерный для начала «эпохи пирамид», воплощался в жизнь с помощью только мелких, скромных, примитивных в механическом отношении инструментов — резцов, пил, молотков и верёвок. Огромные каменные плиты, которые издавна доставляли к пирамидам в Гизе, везли на деревянных санях и ставили в нужное положение, не прибегая к помощи колеса, шкива, лебёдки или подъёмного крана или даже животной тяги: всё делалось исключительно силами самого человека, овладевшего знаниями механики.

3. Культ царской власти

Увеличение количества продовольственных запасов и населения, отметившее начало цивилизации, вполне можно назвать взрывом, если не революцией; а вместе они оттеняют цепочку более мелких взрывов во многих направлениях, продолжавших происходить через некоторые промежутки времени на протяжении всего хода истории. Однако такой всплеск энергии подчинялся ряду институтов власти и мер физического принуждения, никогда прежде не существовавших; и власть эта покоилась на идеологии и мифологии, которые, возможно, имели своими отдалёнными корнями магические церемонии в палеолитических пещерах. В центре всего этого развития лежал новый институт царской власти. Миф машины и культ божественных царей зародились одновременно.

Вплоть до XIX века общепринятая история оставалась преимущественно хроникой подвигов и подлостей царей, знати и войск. Возмущившись таким нарочитым невниманием к повседневным делам рядовых людей, демократически настроенные историки бросились в противоположную крайность и стали преуменьшать действительную роль правителей и установлений, выросших на почве царской власти. Сегодня и историки, и антропологи рассматривают царскую власть менее предубеждённо — в том числе и потому, что сосредоточение централизованной экономической и политической власти в каждом современном государстве, хоть тоталитарном или квазитоталитарном, пролило Новый Свет на сходные явления в далёком прошлом.

Институт царской власти — как указывал её блестящий современный исследователь Анри Франкфорт, — явился одним из тех ранних нововведений, которые мы можем соотнести с приблизительной датой, местом и деятелем — сравнительно точно для Египта и более широко для Месопотамии. Как записано на двух знаменитых египетских табличках, этот поворот в истории произошёл, когда палеолитический охотничий вождь, первый среди равных, превратился в могущественного царя, единолично прибравшего к рукам все полномочия и прерогативы общины.

Что касается источника безграничного верховенства царя и его особых технических средств, то здесь нет места сомнениям: именно охота вскормила предприимчивость, самоуверенность и беспощадность, которыми должны были обладать цари, чтобы достичь господства и удержать его, и именно охотничье оружие служило выполнению приказов правителя — неважно, разумных или нет, — опираясь на высший авторитет вооружённой силы: и прежде всего, на готовность убивать.

Это исконное родство царской власти с охотой оставалось заметным на протяжении всей документированной истории: от стел, на которых и египетские, и ассирийские владыки хвастаются своей отвагой в охоте на львов, до обычая современных королей и правителей оставлять в своём безраздельном владении обширные охотничьи угодья. Бенно Ландсбергер замечает, что в Ассирийской державе охота и сражения были для царей занятиями почти взаимозаменяемыми. Одним из наиболее действенных изобретений царской власти стало беспринципное применение охотничьего оружия для контроля над политической и хозяйственной деятельностью целых общин. Благодаря этому со временем и возник длинный ряд вспомогательных механических новшеств.

В смешении палеолитической и неолитической культур, несомненно, совершался и обмен психологическими и социальными навыками, и до поры до времени это, наверное, давало некоторые преимущества. Неолитический земледелец, должно быть, перенимал от палеолитического охотника те качества воображения, которых не пробуждал в нём скуповатый, скучный и трезвый круг полевых работ. До сих пор археологи не откапывали на месте древнейших неолитических селений никакого охотничьего, и тем более военного, оружия, — хотя в железном веке оно уже, наверное, получило достаточное распространение; возможно, отсутствием оружия и объясняется послушность первобытного крестьянина и та лёгкость, с которой он покорялся властям и практически впадал в рабское состояние: ведь у него не было ни испытанной в боях отваги, ни необходимого оружия, ни даже средств сплотиться в многочисленный отряд и дать поработителям отпор.

Но в то же время распisanная по часам, благоразумная, методичная жизнь сельскохозяйственной общины отчасти передавала начинающим правителям кое-что из неолитических привычек к стойкости и упорядоченной работе, отнюдь не поощрявшихся образом жизни охотника — с его неожиданными взрывами энергии и необязательными наградами. А для продвижения цивилизации были необходимы обе совокупности этих качеств: если бы цари не имели уверенности в том, что поля принесут излишки урожая, они не смогли бы строить города, содержать жречество, войско и множество чиновников — или вести войны. Последняя возможность никогда не отличалась особым размахом, ибо в древние времена по всеобщему согласию войну нередко приостанавливали до тех пор, пока не будет собран весь урожай.

Но одна лишь грубая сила ещё не привела бы к той поразительной концентрации человеческой энергии, к тому созидательному преобразованию среды, к тому подъёму в искусстве и церемониале, которые произошли в действительности. Для этого требовалось сотрудничество или, по крайней мере, благоговейное подчинение и пассивное согласие всего общества. Институт царской власти, через чьё посредничество осуществлялась такая перемена, явился плодом союза между налагавшими дань охотничьими вождями и хранителями важного религиозного святилища. Без этого сочетания, без этого освящения, без этого славного возвышения позиция новых правителей, требовавших беспрекословного повиновения их царственной верховной воле, никогда бы не утвердилась: понадобилась дополнительная, сверхъестественная власть, исходившая от некоего бога или группы богов, чтобы царская власть укрепилась на вершине крупного общества. Разумеется, большое значение имели оружие и вооружённые люди, профессиональные человекоубийцы, — но одной лишь силы было недостаточно.

Ещё до того, как стали доступными документальные записи, развалины, относящиеся к древнейшему додинастическому эль-обейдскому периоду Ура, указывали на то, что такая трансформация уже совершилась: здесь, как и в других местах, Леонард Вулли обнаружил храм внутри священного участка, где некогда размещались и царские закрома, служившие одновременно и складом, и банком. Власти — облечённые жреческими или царскими полномочиями, — собиравшие, запасавшие и распределявшие зерно, держали под контролем огромное зависимое население, — а для этого царские амбары окружались крепкими стенами и неусыпно охранялись стражей.

Под защитным символом своего божества, находившимся в массивном храме, царь — он же верховный жрец — пользовался такими полномочиями, о которых не дерзнул бы и мечтать ни один охотничий вождь только на том основании, что он является предводителем племени. По уподоблению, город — некогда всего лишь разросшаяся деревня — сделался священным местом, если можно так выразиться, божественным «трансформатором», где неумолимая и могучая божественная воля открывалась человеческому разумению.

Такой сплав священной и земной власти высвободил огромное количество дремавшей энергии, как это происходит в ходе атомной реакции. В то же время, он вызвал к жизни новую форму господства, о существовании которой не имеется свидетельств в простых неолитических деревнях или в палеолитических пещерах: узкий круг, сосредоточивший в своих руках всю власть, начал упиваться богатством и роскошью благодаря податям и налогам, насильно взимавшимся с общества.

Действенность царской власти на протяжении всей человеческой истории зиждилась именно на этом союзе между охотничьей хищной отвагой и умением отдавать приказы, с одной стороны, и жреческой осведомлённостью в области астрономии и божественных предсказаний — с другой. В простейших обществах эти функции длительное время распределялись между военным и мирным вождями. В обоих случаях магические атрибуты царской власти объяснялись особой мерой практической целесообразности — готовностью брать на себя ответственность и принимать правительственные решения. Этому способствовали наблюдения жрецов за природными явлениями, наряду с умением правильно истолковывать знаки, собирать сведения и обеспечивать выполнение приказов. Царь присваивал (или приписывал себе) право жизни и смерти над всеми своими подданными. Такой способ обеспечивать слаженный труд на куда большей территории, нежели имелась когда-либо прежде в объединённом виде, являл резкую противоположность мелким масштабам жизни в земледельческой деревушке, где обычный круг дел выполнялся благодаря общему взаимопониманию и согласию и где люди повиновались давним обычаям, а не приказам.

В Египте с самого начала, а иногда и в Месопотамии, царь сам считался божеством. С этого момента и зародилась египетская история — как некая постоянно передаваемая весть. Благодаря такому объединению космической и земной власти правитель становился одновременно и живой личностью, и бессмертным богом: рождаясь и умирая, как все прочие люди, он в то же время и возрождался, как его другое «Я» — Осирис, — ибо могущество правителя обновлялось всякий день, как всякий день возвращается солнце, Ра-Атум, благополучно миновав ночь и вновь показавшись с Востока.

Как это было и с Птахом, главным египетским божеством, слова, исходившие из уст царя, сотворяли мир; и когда он отдавал приказ, ему следовало повиноваться. Властитель не просто обладал правом жизни и смерти над всеми своими подданными, он олицетворял живое воплощение множества этих подданных: они были едины, как сам Птах был един со всеми своими творениями. Жизнь, благоденствие и здоровье фараона означали жизнь, благоденствие и здоровье всего египетского общества. Общество жило и процветало косвенно — благодаря своему владыке; и потому, благочестиво приветствуя каждое упоминание его имени словами «Жизнь, Благоденствие, Здоровье», — подданные фараона

призывали эти блага и для себя самих.

Ранние племенные вожди и их преемники, отлично вооружённые, с презрением смотревшие на физические увечья или лишения, не зная утомительной рутины земледельческих и скотоводческих занятий и не имея склонности к систематическому труду, вероятно, уже использовали эти протомилитаристские качества, чтобы вводить в подчинение и облагать данью — будь то пищей или женщинами — своих робких, уступчивых, невооружённых соседей-сельчан. А оружием, на которое опиралось это новое правление силы, была никакая не военная колесница бронзового века (да простит меня Чайлд!) — до её изобретения оставалось ещё много лет, — а куда более примитивное оружие: булава, или палица. Такая дубинка с тяжёлым каменным навершием удобная для нанесения прицельного удара по черепу крупной дичи, как выяснилось, оказалась не менее полезной и для усмирения запуганных и лишённых оружия крестьян или для устрашения захваченных вождей и воителей из соседних племён, которые изображены на сохранившихся каменных табличках и стелах съезжившимися от ужаса пленниками. Вспомним здесь и завершающий эпизод битвы Мардука с первородной богиней Тиамат: «Он сокрушил её череп своей беспощадной булавой» [35]

Так стоит ли удивляться, что период политического объединения Верхней и Нижней долин Нила, ознаменовавший начало царской власти в Египте, совпадает с появлением массовых захоронений, в которых было найдено необычное количество раздроблённых черепов? Важность этого вида оружия, и особенно время и место его появления, почему-то всегда обходят вниманием. Как указывал Джеймс Мелларт, в шестом тысячелетии до новой эры в хозяйстве поселения в Хаджиларе [36] наблюдался значительный упадок в охоте и отсутствие охотничьего оружия; однако булава и праща сохранились. Поэтому не удивительно, что булава — в слегка облагороженной форме скипетра — на протяжении всех эпох оставалась символом царской или королевской власти и непобедимого могущества. Когда происходят заседания британского парламента, на столе спикера лежит огромная булава.

Итак, мы уже достаточно сказали о тех тёмных событиях, что, по-видимому, привели к возникновению царской власти. Следующий шаг, давший ей основание, на котором она продержалась, изредка терпя неудачу, в течение более чем пяти тысяч лет, был совершён уже в пределах исторической эпохи, точнее, в пределах священной истории, ибо он опирался на применение сверхъестественных сил для контроля над человеческим поведением.

Ключ к этой второй стадии лежит в первом документированном деянии Менеса (Мины) — объединителя Верхнего и Нижнего Египта и самого древнего фараона, о котором сохранились записи, — деянии, впоследствии неоднократно повторяемом многими владыками на протяжении истории: он заложил в Мемфисе, где ещё в глубокой древности находилось всеми чтимое святилище, новый храм и объявил себя божественным Солнцем, Ра-Атумом. Документ, повествующий об этом событии, гласит также, что прежде возникновения мира уже существовал всеобъемлющий бог Птах, чьей энергией пронизано всё сущее.

К тому времени, когда царская власть сделалась объединяющим элементом, преодолевшим местные рамки, уже существовало множество божеств — мужских и женских, больших и малых, «олицетворённых» или, скорее, «одушевлённых» в облике соколов, жуков, коров, гиппопотамов, львов, причём каждый со своим характером и своими социальными функциями, часто связанными с разными аспектами человеческой среды. И из числа этого плодovitого и многоглавого семейства богов, у которого имелся целый рой дальних родственников в каждой деревушке, в Египте особо выделился бог Солнца. Новый институт царской власти удерживался на своём троне не благодаря одной только грубой силе, а благодаря тому, что он воплощал собой вечную власть и космический порядок.

Здесь зародился новый вид науки — отличный от того тщательного наблюдения и умения проследить тесную связь между вещами, которые благоприятствовали окультуриванию растений и животных; новая наука опиралась на отвлечённый безличный порядок: счёт, измерение, точную систему записи; без раннего развития этих атрибутов такие совершенные памятники, как пирамиды, никогда не были бы построены. Счёт дней, наблюдение за лунными месяцами и солнечным годом, измерение уровня подъёма воды в Ниле и выхода его из берегов — всё это входило в обязанности жреческой касты. Как я уже говорил, новая власть и новый порядок нашли прекрасное символическое выражение в учреждении первого египетского солнечного календаря.

Астрономические знания — пусть и чересчур перегруженные драматичными сказаниями, чувственными метафорами и инфантильной магией, — проникли во все сферы жизни. Зарождавшиеся установления цивилизации нацеливались на власть, действовали с оглядкой на космос и механически управлялись и организовывались. Пространство и время, власть и порядок стали основными категориями божественно управляемого существования; повторяющиеся движения луны и солнца или мощные проявления природных сил — такие, как наводнение, буря и землетрясение, — оставляли глубокие следы в умах людей и, по-видимому, пробуждали по крайней мере, в среде доминирующего меньшинства) желание испытывать и применять собственную физическую силу, подражая самим богам.

В древнекитайской «Книге перемен» («И-Цзин») говорится: «Мы можем встать впереди неба — но небо не изменит своего хода; мы должны следовать за ним и сообразовываться с его порой и его переменами». Повсюду, в древности и позднее, такое представление ложилось в основу нового строя и становилось источником ещё более строгого управления. «В Древнем Китае, — замечает Джозеф Нидэм, — распространение императором календаря являлось правом, сопоставимым с правом чеканить монету с определённым изображением и надписью в западных странах позднейшего времени».

Обе прерогативы являлись символами разумного порядка и принудительной физической силы, и обе, что характерно, оставались царской или жреческой монополией на протяжении веков; ибо исключительное право чеканить деньги и устанавливать единую систему мер и весов является эмблемой всякого государственного суверенитета. Календарь же, по которому живёт сегодня большая часть мира, был впервые одобрен императором Юлием Цезарем, а позднее исправлен римским папой Григорием XIII. Без этого широко распространившегося уважения к неуклонному космическому порядку великим техническим достижениям ранней цивилизации недоставало бы присущих им математической точности и

физического совершенства.

Из-за отождествления личности царя с безличным, а главное, неумолимым порядком небес, царская власть получила в своё распоряжение огромное, чрезмерное количество энергии: политическое могущество самодержца, опиравшееся на оружие и войско, расширилось ещё и благодаря тем стихийным сверхъестественным силам, которые ему приписывались. Такое положение вещей утвердилось в Египте, где царская власть приобрела наиболее абсолютный характер и наиболее самоуверенно отождествила себя с божеством — благодаря близкой ассоциации с древнейшими органическими жизненными энергиями, то есть с наиболее ранними проявлениями сына Гора, и его отца, Осириса, бога растительности, научившего людей земледелию и ремёслам. В системе символов царь изначально изображался быком — этим живым воплощением физической силы и сексуального плодородия, которое, несомненно, связывалось в подсознании со Священной Коровой — Хатхор, являвшейся одновременно богиней домашнего скота и луны.

Боги луны, солнца, ветра, как замечает Элиаде, возникли из «... небесной иерофании (высота, яркость, ослепительность неба, дождь): шумерский небесный бог ан сделался главным божеством вавилонян, и его храм в Уруке назывался Небесным домом». Такое пристальное внимание к космическим силам было здоровым истолкованием положения самого человека — то есть, его зависимости от не подвластных ему физических явлений. Если палеолитическое отождествление с животным миром и неолитическое погружение в сферу пола по-прежнему сохранялись, то небесные религии отличались большей возвышенностью. Созерцание далёких небес, осознание неизмеримой протяжённости времени могли лишь зародиться в более ранних культурах: за исключением круглых амулетов и костей с вырезанными изображениями, в пещерном искусстве не имеется никаких вразумительных следов подобного интереса.

Новый интерес к высокому, далёкому, правильному, регулярно повторяющемуся, предсказуемому и исчислимому совпал с зарождением царской власти; однако и прежние взгляды на мир не так-то легко уходили в прошлое. Напротив, наиболее обманчивые представления симпатической и словесной магии по-прежнему сохраняли силу и связывались с пантеоном небесных богов: слово продолжало казаться настолько важным, что в одном сказании богиня Исида пытается добиться власти, с помощью волшебства узнавая тайное имя Атума. Туринский папирус эпохи девятнадцатой династии (1350–1200 годы до новой эры), из которого стала известная эта легенда, сам служил заговором, и написанные на нём слова повторяли для исцеления от змеиного укуса.

Но в конце концов небесные боги закрепили за собой полное господство. Небесные явления, измерявшиеся со все возрастающей тщательностью и точностью, убеждали человека в существовании упорядоченного мира, который хотя бы частично возвышался над первородным хаосом или человеческим капризом. В качестве главного представителя этих небесных сил — по крайней мере, в пределах собственных территорий, — царь должен был повсюду поддерживать порядок. Понятие порядка, некогда ограничивавшееся лишь сферой племенного ритуала и членораздельной речи, отныне сделалось всеохватным.

Со временем вавилоняне стали накладывать то же понятие предопределённого порядка и на плоскость якобы случайных событий повседневной жизни: определяя ход и положение планет в миг рождения человека, они таким образом предсказывали весь ход его будущей жизни. Биографические данные, необходимые для подобного вычисления, опирались на систематические наблюдения. Таким образом, из института божественной царской власти родилась не только математическая регламентация, но и научный детерминизм. Основные математические и научные начала в астрономии были заложены задолго до ионийских натурфилософов VI века до новой эры. Это была совокупность рациональных прозрений и иррациональных предположений, которые породили новую технологию власти.

Прежде чем обратиться к рассмотрению последствий такой перемены, давайте выясним, как действовали те же явления в совершенно иных географических и социальных условиях. Если мифу о божественной царской власти предстояло овладеть силами цивилизации и впоследствии перерасти в производный от него «миф машины», то было крайне важно, чтобы он оказался способен преодолеть чисто местные обстоятельства и извлечь выгоду из различных культурных условий. Что любопытно, на протяжении позднейших эпох институт царской власти проник в более примитивные племенные общины; а вдобавок, этот технический и социальный комплекс так или иначе распространился по всей планете — от Китая и Камбоджи до Перу и Мексики.

Далее я вновь обращусь к свидетельству, весьма компетентно исследованному Анри Франкфортом, — чтобы прийти совсем к другим выводам.

4. Укрепление Месопотамии

В Месопотамии царская власть возникла примерно в то же время, что и в Египте (правда, ни в первом, ни во втором случае не удаётся точно датировать самое раннее её проявление). Древний шумерский владыка Лист не выражает ни малейшего сомнения касательно происхождения царской власти: она «снизошла с небес». Это означает, что царская власть с самого начала являлась религиозным феноменом, а не просто утверждением физической доблести и организованной воинской силы, или каким-нибудь расширением всеми чтимого авторитета предков.

С момента зарождения царская власть в Шумере или Аккаде сочетала в себе авторитет и могущество, мудрость и приказ — те самые качества, которые, как отмечал Брестед, выступали атрибутами Бога Солнца после 3 000 года до новой эры. Одновременно происходило и сходное усиление чувства времени. Египетская, месопотамская, индуистская религии, позднее и религия майя, охватывали тысячелетние циклы; а одному-единственному царю Лугалбанде приписывали 1200 лет правления — срок, какого с лихвой хватило бы для целой династии. Даже если эти годы в действительности являлись всего лишь месяцами, как предполагали древние комментаторы хронологии Манефона [37], всё равно — отрезок времени весьма внушительный. Следовательно, царям приписывалась не просто преувеличенная космическая мощь, но и более напряжённая и продолжительная жизненная сила. Все измерения существования — на земле или на небесах — были увеличены во много крат.

Правда, в Месопотамии не всегда случалось так, чтобы царь (начиная с Нарамсина) нарекал себя богом. Тем не менее, Анри Франкфорт, обратившись к рассмотрению истории, чтобы подчеркнуть подлинные различия в культурах Шумера и Египта, насчитал почти два десятка таких случаев на протяжении восьми столетий. Однако уже само желание выявить разницу наводит на мысль о том, что на деле между двумя культурами всё-таки имелось большое сходство. Разумеется, царской власти повсюду приписывалось божественное происхождение, и все цари пользовались исключительными полномочиями по «божественному праву», ибо царь являлся необходимым исполнителем повелений богов, а также главным вдохновителем таких важных коллективных действий, как строительство больших городов и оросительных систем.

Характерно, что именно на протяжении правления третьей династии в Уре — а это был период энергичной строительной деятельности — все цари, кроме основателя династии, объявляли себя богами. Данный факт позволяет с уверенностью связать божественность царской власти с типичной программой общественных работ и со становлением мегамшины. Маленькие задачи по-прежнему оставались маленьким людям, зато большие задачи находились в ведении царя в силу тех особых полномочий, которыми он обладал: прежде всего, это было уникальное право создавать из своих подданных колоссальную рабочую машину.

Как и во многих примитивных племенных общинах, изученных за последние несколько веков, а также у некоторых позднейших исторических народов, царь исполнял две роли — священную и светскую: он выступал то религиозным, то военным главой. Такая двойственность имела место на протяжении всей цивилизованной истории человечества и до сих пор заметна во многих примитивных племенах. Даже сегодня носитель британской короны является титулованным руководителем государственной церкви, а, как обнаружил Эдуард VIII, одобрение со стороны её архиепископа, в свою очередь — неременное условие обладания королевскими полномочиями. Такова была архе-типическая модель отношений с самого начала. Так и выскочка Наполеон, желая сделаться законным императором, прибег к услугам папы римского, чтобы тот освятил его коронацию, — хотя, выхватив корону из рук папы и самолично возложив её себе на голову, его самонадеянное «Эго» совершило святотатство, которое — по представлениям любого древнего вавилонянина — неминуемо навлекло бы на него проклятие небес.

И для установления, и для сохранения царского могущества чрезвычайно важно было присутствие божественной власти. Однако постоянное общение с Небом, необходимое царю, требовало профессиональной помощи жрецов, магов, прорицателей, толкователей сновидений и разгадчиков небесных знамений, а те, в свой черёд, зависели от светской власти царя и его богатства, поддерживавших их собственное положение в обществе.

Этот важный союз царской военной мощи с часто сомнительным авторитетом сверхъестественного происхождения предвосхитил сегодняшний сходный альянс между учёными и теоретиками математических игр с высшими правительственными чиновниками; и он был подвержен сходным погрешностям, просчётам и заблуждениям. Вновь и вновь зависимость от не поддающихся проверке сведений с Небес мешала принимать разумные решения в сражениях, например, исходя из непосредственно наблюдаемых обстоятельств.

Слишком часто пустым советам «провидца» придавали больше значения, чем профессиональным знаниям солдата, как следует из писем, найденных в Мари.

Итак, в отношении богословских оснований царской власти картина в Месопотамии представляется столь же ясной, что и в Египте, при всех исторических и географических различиях в их культурах. И слова, произносившиеся древнейшими царями обеих земель, продолжали звучать на протяжении человеческой истории как в заявлениях «законных» королей вроде Людовика XIV, так и в не менее экстравагантных утверждениях Гитлера, Сталина или Мао, которым их самоотверженные и восторженные последователи приписывали всеведение. Слова, произнесённые юным вавилонским богом Мардуком перед тем, как он стал главным защитником других богов от древней богини первородных вод Тиамат, цари учились произносить задолго до того, как Мардук занял своё место в вавилонском пантеоне. По сути, боги — это цари бессознательного, чья роль возрастала по мере того, как цари, в свою очередь, становились воплощениями богов сновидений, обретавшими зримое верховенство над явью и переносившими свои притязания на нерушимое владычество на весь государственный аппарат.

В качестве условия своей помощи Мардук настаивает на беспрекословном повиновении остальных богов его приказу. «Пусть слово моё вместо вас определит судьбы: пусть будет неизменным то, что я сотворю. Пусть не придётся мне ни повторять, ни изменять приказ, слетевший с моих губ». На эти слова стоит обратить особое внимание. Они очерчивают те условия и рамки, в которых и возник новый коллективный механизм.

Этот новый упор на неограниченное право отдавать приказы, по-видимому, в некоторой степени явился неизбежной реакцией на беспорядки и трудности, увеличившиеся с ростом населения. Отныне желанными политическими целями сделались отлаженность и надёжность: ведь если небольшие группы людей при возникновении угрозы могут переселиться куда им угодно, то население целого города или пустивших крепкие корни на земле деревенских жителей невозможно куда-то выселить на длительное время в случае наводнения или вызванного засухой голода. Такие задачи, как регулирование речного потока и возмещение ущерба, нанесённого наводнениями, распределение воды для орошения полей, ежегодная заготовка такого количества пищи, которого хватило бы для предупреждения голода до следующего урожая, — всё это оказывалось уже не под силу самим местным общинам. Возникла настоящая потребность в такой власти, что объединила бы под своим началом огромные долины; а за неимением более разумной коллективной силы навстречу этой потребности пошла царская власть.

Хотя неолитическое хозяйство приносило небывалое дотоле изобилие пищи, само это изобилие породило новые тревоги. «На протяжении всей месопотамской истории, — замечает Франкфорт, — считалось, что царская власть богов зародилась не как естественный спутник упорядоченного общества, а как плод смятения и тревоги». Но, по моим наблюдениям за некоторыми друзьями, некогда страдавшими от нищеты, а потом сколотившими состояние, — богатство и надёжность способны вселить в людей постоянную тревогу, которой они не испытывали в те времена, когда не знали, что будут есть завтра. Если в Месопотамии силы природы порой вызывали катастрофы — начиная с исторического библейского потопы, — то сходные тревоги не были чужды и благополучному Египту:

вспомним о семи «тощих» годах из рассказа о библейском сновидце Иосифе. [38] Сохранились и другие указания на неурожаи и голод в Египте, случавшиеся не только из-за нашествий саранчи, но и из-за недостаточных летних разливов Нила. Во время таких кризисов возникала необходимость в твёрдой власти, которая бы разумно организовывала рабочую силу во множестве общин и справедливо распределяла их ресурсы; и если приложенные усилия давали желанный результат, то правитель, который взялся за это, получал всеобщую благодарность и заручался поддержкой на будущее.

К сожалению, царскую власть продолжали связывать с тревогой, страхом и кризисами ещё очень длительное время. Торкилд Якобсен доказал, что старейшим из известных политических установлений, которое можно выделить по месопотамским текстам, являлось городское собрание всех свободных мужчин [39]. Это собрание предоставляло право решать текущие вопросы группе старейшин, однако в наиболее тревожные времена они избирали царя, чтобы тот «... возложил на себя всю ответственность на ограниченный срок». Тысячелетия спустя Геродот описывает сходное делегирование власти у мидян и персов; римляне, когда над обществом нависала угроза, назначали временного диктатора. Такая же временная концентрация власти в случае «национальной тревоги» до сих пор входит в конституционные прерогативы президента США, хотя лишь в настоящее время нашёл президент, который осмелился сфальсифицировать тревогу, чтобы завладеть всей полнотой власти и дать политическое оправдание своим ошибочным суждениям и бесчеловечным деяниям во Вьетнаме.

Могущество, которое таким образом сосредоточивалось в руках царской особы, в свою очередь, порождало источник новых тревог благодаря постоянному ведению войн. Повсюду война в качестве главной прерогативы и основного занятия царя преобладала даже над охотой. Ибо, устанавливая закон и порядок в пределах священной территории своих богов, цари вступали в столкновение с соперниками — другими царями и иноземными богами, — которые отличались не меньшей дерзостью в силу приписывавшегося им божественного могущества и требовали к себе той же слепой верности и благоговейного повиновения.

Слишком часто у них возникал соблазн утверждать верховенство своей власти, нападая на соседние государства и грабя их жителей. Даже когда природа благоволила общине, — всегда где-то рядом таилась создаваемая самим человеком катастрофа войны, сеявшая беспорядок и поддерживавшая абсолютную власть царей. В летописях Шумера и Аккада то и дело говорится о столкновениях между разными городами из-за водных и земных границ; но помимо таких споров, улаживание которых могло служить предметом разумного компромисса, существовали ещё и иррациональные стремления тщеславных и тираничных «Богов» добиться рабского повиновения.

Здесь Якобсен вновь подкрепляет толкование Франкфорта. «Упорядоченный мир [для месопотамцев] немислим без высшей власти, повсюду насаждающей свою волю». Можно дополнить это утверждение Якобсена о вере в высшую власть; приведя слова из египетской «Сатиры о ремёслах»: «Нет такой работы, где над работником не было бы господина». Житель Месопотамии убеждён, что власти всегда правы, — или, по крайней мере, что спорить с ними бесполезно. «Приказание дворца, как и приказание Ана, нельзя отменить. Слово Царя всегда верно; и его речениям, как и речениям бога, нельзя прекословить». Эти

слова несут в себе болезненное сходство с установками нынешних тоталитарных государств — как «демократических», так и «коммунистических».

Данное изречение — первое выражение того, что известно в сегодняшних политических системах под названиями «партийной линии» или «консенсуса» — уменьшает (в указанном контексте) важность многих различий между древними цивилизациями на Ниле и в междуречье Тигра и Евфрата. В обоих случаях царь обладал богоподобными полномочиями; и с практической точки зрения, не так уж важно, в каком качестве он выступал: как бог — в Египте или как заместитель божества в Месопотамии, где он мог с полным правом «действовать по доверенности», то есть от имени бога, пока ему сопутствовала удача. Его миссия заключалась в том, чтобы участвовать в постоянной борьбе между хаосом и порядком, борьбе, которая, по словам Эфраима Шпайзера, «... была роковой драмой, возобновлявшейся каждый год».

Стоит ли удивляться, что перед лицом столь тревожных обстоятельств и столь яростных средств подавления подобных тревог деревня отказалась и от своей автономии, и от своей относительной самодостаточности, в пользу высшей власти — царя и государственных войск, правительственных чиновников и сборщиков податей, которые строго выполняли царские приказания. Разбросанные по разным краям села отныне слушались повелений, исходивших из центров власти.

На земле такого безусловного повиновения мог требовать лишь один-единственный человек, назначенный богами царём, — человек, который, обороняясь от скептиков или явных противников, опирался бы в своих притязаниях на вооружённую силу, который сломил бы устои самоуправления, сложившиеся в маленьких общинах на основе обычаев предков и собственных ограниченных способностей держать совет и выносить трезвые решения.

Трезвомыслия — почти по определению — всегда как раз и недоставало царской власти: когда выполнялись приказы царя, никто никогда не отважился сказать ему, чем они впоследствии оборачивались. Абсолютной власти, присущей царям, сопутствовали тщеславие, беспощадность, жёсткость, привычка к принуждению, нежелание прислушиваться к голосу разума, — чего никакая маленькая община не потерпела бы ни от одного из своих членов. Впрочем, эти агрессивные и неприятные в человеческом смысле качества, создающие условия для тщеславного господства, можно было встретить повсюду — как обнаружила Маргарет Мид среди мундугуморов, чьи вожди известны в общине под именем «настоящих злодеев» — агрессивных, жадных до власти и почёта.

Но с тех пор, как царская власть и институты, на которые она опиралась, прочно утвердились, этот альянс оставался главной политической моделью цивилизованного общества вплоть до конца XIX века; за пять тысяч лет он достиг и гораздо более примитивных общин, вроде шиллуков в Африке, где все магические предписания и идеологические предпосылки сохранились в том неприкосновенном виде, в каком они пребывали с самого начала, — наряду с той же породой скота с загнутыми рогами, которую так любили Древние Египтяне.

И если со временем царская власть приобрела несколько более человечный нравственный характер, сжавшись до более скромных размеров, то произошло это главным образом благодаря упрямому сопротивлению деревенских общин, чьи обычаи и образ жизни нередко перекочевывали — вместе с самими переселенцами из деревень — в новые города. Вскоре мы обнаружим, что эта подспудная борьба между демократической и авторитарной техникой продолжалась на протяжении всей истории человечества.

5. Механизм божественного правления

К сожалению, большинство наших сведений о царской власти исходит из документов, которые были записаны спустя столетия, даже тысячелетия, после самих событий. Если взять за свидетельства нижние культурные слои Иерихона, можно обнаружить, что ещё до каких-либо следов появления царской власти там уже имелось хозяйство, достаточно изобильное для возведения большого города и снабжения его жителей постоянной работой. В таком случае следует предположить, что «первобытная демократическая община» (как называет её Франкфорт) достигла довольно высокого уровня технического развития и ремесленных навыков ещё без всякой царской власти. Возможно, это произошло при какой-то иной — более мягкой, действовавшей скорее убеждением — форме правления, которая, по гипотезе Кэтлин Кеньон, могла возникнуть в более благоприятных климатических условиях, преобладавших в этих краях сразу после таяния ледников. Результаты недавних раскопок в Чатал-Хююке на территории Турции придают дополнительную привлекательность данной гипотезе.

Прежде чем особые установления, основанные на принуждении и наказании, приняли окончательную форму, царская власть возникла как некая мутация в сельскохозяйственных общинах, где всё ещё не существовало сколько-нибудь постоянного распределения труда или чёткого разделения на касты, но имелась минимальная экономическая дифференциация благодаря профессиональной специализации, частной собственности или рабству: такое состояние более или менее соответствовало гесиодовскому «золотому веку». Если это так, то оно могло бы объяснить стойкое присутствие царской власти, заметное в значительно более позднюю пору в культуре Нового Света, например, у инков, — в частности, её авторитарный коммунизм: строй, контролируемый государством, но воспроизводящий в масштабах большого сообщества совместный труд, и осуществляющий совместное распределение его продуктов, что характерно для деревни. В целом, тот же бескорыстный дух и тот же тип принудительной организации стоят за явлением современного коммунизма.

Когда царская власть вытеснила управление сельскохозяйственных общин, их местные функции, только в расширенном масштабе, перешли в руки на центральной власти — храмовой или дворцовой. Общественная собственность оставалась общественной собственностью, но теперь она принадлежала богу в лице царя. А когда правитель распределял между своими приближёнными или эту собственность, или свеженаграбленную добычу, то она становилась «частной» собственностью, вокруг которой на протяжении всей истории сохранялась та же аура царской, если не божественной, неприкосновенности. Первым признаком такой неприкосновенности была установленная

для бога доля в порождениях земли, взимаемая храмом; впоследствии этот древний обычай плавно перешёл и в традицию церковной десятины в средневековом: христианстве. В то же время, каждому члену общины причиталась своя привычная доля. Пока люди чтили богов и повиновались царю, им были обеспечены безопасность и некоторая частица божественной щедрости. Так называемое «государство всеобщего благосостояния» сегодня сохраняет — или, лучше сказать, «восстановило» — многие из этих политических особенностей.

Регулируемый государством коммунизм, по-видимому, отмечал наиболее раннюю стадию становления царской власти: сама земля, общие функции и общие права попадают под контроль царя, а в случае необходимости его указы и законы вытесняют вековые обычаи и установления местной общины. Ведь это благодаря царю община пользуется благоволением богов; и пока народ платит дань зерном и трудом, ему обеспечена надёжная жизнь. Существование такого рода коммунизма засвидетельствовано в Египте и Месопотамии, и опять-таки в Перу; и если царская власть покоилась на подобных традиционных устоях, лишь расширяя и укрепляя их, — это, возможно, объясняет, почему укоренились наиболее грубые проявления данной системы, хотя вскоре в установившиеся отношения вкрались откровенные проявления неравенства — например, между рабами, свободными общинниками и знатью, — сопутствовавшие росту частной собственности.

То, что до сих пор называется суверенитетом государства, в полной мере сохраняет исконные царственные притязания на власть и привилегии на имущественное первенство и беспрекословное повиновение, а также на такие кары или жертвоприношения, какие суверену покажется уместным применить во имя национального благоденствия.

Подобная солидарность между облечённым божественной властью правителем и его подданными достигла классического выражения в Египте: по словам Франкфорта, «... доверие народа к своим «пастырям» приводило к тому, что фараону надлежало иметь всю полноту абсолютной власти, которой его наделило божество и которая, как ничто другое, позволяла ему обеспечивать благосостояние всего общества». Однако те же отношения господствовали в равной мере, пусть и с некоторыми нюансами, повсюду, например, как пишет Уилсон, — в Египте. «Это царь возводил храмы и города, выигрывал сражения, издавал законы и строил щедрые гробницы своим приближённым», — вторит ему Крамер, описывая деятельность царя Лагаша [40]. О том же говорят и некоторые фигуры речи, традиционно используемые царскими особами: например, в Шекспировой исторической драме «Генрих V» короли обращаются друг к другу именами своих стран — «Англия» и «Франция».

Отношения между царём и подданными выходили за рамки таких понятий, как верность клану, семье, соседям; этим объясняется, почему цари — и даже выскочки-самозванцы, тираны, — нередко заручались народной поддержкой — в противовес таким второстепенным соперникам в борьбе за власть и авторитет, как магнаты и знать. Под мистической аурой абсолютной власти, функции которой впоследствии возьмёт на себя машина, первоначально формировались и выполнялись исключительно уникальным институтом царской власти.

Поначалу идея такой власти связывалась с идеей об управлении и ответственности перед богами. К 2 000 году до новой эры ни один фараон не мог надеяться на бессмертие, если он не служил делу праведности и справедливости (которые олицетворяла богиня Маат [41]). В тексте, относящемся к периоду Среднего царства, Атум [42] провозглашает: «Я учинил великое наводнение, чтобы бедняк имел те же права, что и знатный человек. Я сделал так, чтобы каждый человек уподобился прочим». В таком заявлении можно увидеть признание настойчивого давления, целью которого было не только узаконить власть но и сделать её нравственной, — то есть, удерживать её в известных границах и заставить её уважать человеческую жизнь.

Так божественный глава этой иерархии власти возвращался — по крайней мере, на словах, — к эгалитарным общественным и нравственным идеалам деревенской культуры. Правда, в этих отношениях всегда сохранялась некая двойственность: доброта правителя, подчёркивавшаяся в египетских текстах, выступает наравне с его способностью внушать страх и карать смертью. В то же время, память о более ранних общинных атрибутах царской власти, наверное, частично оттеняла повседневные напоминания о личных прихотях владыки и суровости его ближайшего окружения. Однако, как нередко следует из документов, чиновники, исполнявшие царские приказы, отождествляли себя с самим источником власти и часто злоупотребляли царской самоуверенностью, не являя взамен царской милости.

Более примитивные типы общин с успехом действуют единодушно, цепко держась за прочно укоренившиеся привычки и «незапамятные обычаи»: конформизм — вот цена взаимной терпимости, а остракизм — суровейший вид наказания, какой обычно назначается в таком обществе. Но чтобы обеспечить выполнение царских приказов с помощью ремня передач, образованного длинной цепочкой людей, зачастую действовавшего на большом расстоянии от самого центра власти, царская власть нуждалась в более отлаженном механизме послушания. Чтобы государственная организация срабатывала без помех как единое целое, согласие всего народа должно было быть автоматическим и полным.

Механическое повиновение достигалось путём различных символических и практических ухищрений, и в первую очередь, — созданием непреодолимого психологического барьера между царём и всеми, кто пытался к нему приблизиться. Особа царя была не просто неприкосновенна и неприкасаема: допускаясь в его присутствие обязаны были простираться ниц, словно мертвецы, полностью осознавая, что, случись им оскорбить царя, ничто не спасёт их от смерти. В присутствии царя высший сановник пресмыкался как последний раб. Процитируем одно из писем, найденных в Телль-эль-Амарне (около 1370 года до новой эры): «К двум стопам Царя, моего господина, небесного Бога Солнца, семижды семь раз я припадал, и навзничь и ниц». Проситель же называл себя «первым, на кого ты ступаешь».

Такое подобострастие, такое добровольное самоуничижение никогда не имели аналогий среди скромных членов любой деревенской общины, до тех пор пока и в эти общины не просочились «цивилизованные» нравы и порядки. Однако муштра в послушании постепенно превратила людей в «вещи», которых одним царским приказом можно было использовать, как покорное стадо для выполнения особых поручений, сколь бы они ни нарушали ход их

семейной жизни и не противоречили нормальной рутине деревенского быта.

Не последним из зол этой системы было ощущение человеческого унижения, возникавшее из обязанности чиновников рабски подчиняться приказам вышестоящих властей. Как указывает М. И. Финли, свободные граждане Древней Греции и Древнего Рима крайне неохотно принимали административные должности именно по вышеназванной причине; поэтому даже очень важные правительственные и военные посты часто доставались рабам, которые, уже в силу самого своего положения обязанные подчиняться, не ощущали подобного унижения. В мегамашине не было места личной инициативе или ответственности: ведь такая свобода могла бы привести к отмене ошибочных приказов или к неповиновению безнравственным приказам. Преданные человеческие винтики мегамашин во все времена оставались эйхманами [43] — вдвойне униженными, так как они не сознавали собственного унижения.

Впрочем, вместе с понятиями о подчинении и абсолютном повиновении, послужившими фундаментом для сооружения огромной человеческой машины, появились и возможности ослушания, измены и бунта. И для того, чтобы божественные полномочия царя должным образом почитались, царской власти приходилось опираться на силу: и не просто на голую силу, а на силу в самой свирепой и садистской её форме, в какую отливались кошмарные и бесчеловечные прихоти жестокости. Совсем недавними примерами таких изобретательных и жутких извращений власти могут послужить злодеяния, учинённые «цивилизованными» правительствами в Варшаве, Освенциме, Токио и Вьетнаме.

И здесь вновь образцами для царей служили боги: так, Мардук, сражаясь со своей давней соперницей Тиамат, прибег к помощи «злого Ветра», Смерча, Урагана; тот впрягает в свою вихревую колесницу скакунов — «Убийцу, Беспощадного, Топтуна, Быстрого». «Остры были их зубы, отравленные ядом».

Опять-таки, эта черта присуща не только славившимся своей яростью и воинственностью вавилонянам, ассирийцам или хеттам. В метафорах, использованных в самом древнем из «Текстов пирамид», где описывается обожествлённый фараон, мы встречаемся со своеобразной нескрываемой каннибальской страстью во всём, что относится к размаху власти божественного царя. Царская власть — как она там изображена — являлась поистине людоедской прожорливостью. В поисках параллелей к этим пугающим символам можно обратиться к пьесе одного нашего современника, который описывает, как женщина поедает гениталии своего любовника.

Чтобы не быть голословным, я приведу здесь выдержки из этого текста в переводе Эрмана: «Он — тот, кто поедает людей; кто питается Богами, кто распоряжается посольными и рассылает приказы... Бегун-со-всеми-Ножами... душит их для него, извлекая их внутренности, он — вестник, с которым рассылается смерть... Он — тот, кто поедает их волшебство и проглатывает их великодушие. Большие идут ему на завтрак, средние — на обед, а малые — на ужин... Он переломил хребет со спинным мозгом, он вынул сердца Богов, он пожрал Красную Корону, он проглотил Зелёную Корону. Они кормятся лёгкими Мудрецов, наслаждаясь тем, что питается сердцами и их магией».

Видеть в подобном описании лишь изысканный риторический приём — значит, намеренно закрывать глаза на социальный контекст данных слов. Грубое принуждение являлось необходимым сопровождением массовой организации общества и особых порядков, насаждавшихся царём. Повествование Геродота полно отталкивающих описаний безумной жестокости правителей — например, история, которую он рассказал о Камбисе [44]. Один из ближайших друзей царя намекает ему, что он пьёт слишком много вина, а это вредно для ума и тела. Вознамерившись доказать, что вино не оказывает на него никакого действия, Камбис принимается пить безрассуднее прежнего, а затем берёт лук и, велев поставить на другом конце зала сына этого неосторожного друга, прицелившись, убивает юношу, после чего вырывает у него из груди пронзенное сердце, чтобы показать, сколь безупречно достигла цели его стрела.

Первобытное общество, как правило, признает два главных преступления: нарушение табу на кровосмешение и убийство. Но с появлением новой системы управления и новых сводов законов, введённых царями, число возможных преступлений возросло и наказания сделались более устрашающими. Неповиновение приказам вышестоящего по чину считалось худшим из грехов; и даже «рассуждения» в ответ на приказание рассматривались как серьёзное оскорбление. Если можно судить по обычаям индейцев-чейеннов, то, наверное, такое отношение было отголоском палеолитической охоты: одно из трёх преступлений, за которые у чейеннов полагается нести наказание, — неповиновение приказам вождя во время охоты на буйвола.

Вулли приводит слова одного хеттского закона: «И если рабу случится разгневать своего хозяина, пусть его либо убьют, либо изуродуют ему нос, глаза или уши». Подобные увечья были излюбленной формой наказания. Сравнив эти законы с благопристойными и человечными обычаями современных примитивных народов, мы поймём, как угнетающий культ власти привносил в людские нравы ту степень свирепости и низости, которые были неведомы более ранним племенным группам, где если кто-то и наносил телесные увечья, то только себе — и, главным образом, из магических соображений.

Даже в сравнительно мягком кодексе Хаммурапи [45] дозволялось систематически наказывать пытками или постоянно калечить тела людей, хотя подобная практика была совершенно чужда архаическим малым общинам до наступления железного века. Эти садистские методы, применявшиеся в равной степени и в воспитании, оставили след, который лишь недавно удалось изгладить.

В шумерских школах, как рассказывает Крамер, привычной фигурой был чиновник с кнутом для поддержания порядка; а древнеегипетский глагол «учить» означал также «наказывать». Собственно, последнее словоупотребление сохранилось и до настоящего времени: так, родители, наказывая ребёнка, нередко приговаривали: «Я тебя научу, как надо себя вести!» (пока не возобладал принцип «вседозволенности» с его садизмом наыворот, метнувшийся в противоположную крайность и обращающий наказание на всех кого угодно, кроме ребёнка).

Помимо убийства и изнасилования, самые страшные преступления, наказываемые цивилизованными властями, восходят вспять к «непростительному греху» — неподчинению суверену. Принуждение — вплоть до убийства — было царской формулой, позволявшей

утверждать власть, обеспечивать послушание и взимать добычу, дань и налоги. По существу, всякое царское правление было правлением террора. С расширением царской власти этот подспудный террор сделался неотъемлемой частью новой техники и новой экономики изобилия. Иными словами, скрытая сторона прекрасного сна представляла собой кошмар, который цивилизация до сих пор так и не сумела окончательно стряхнуть с себя.

Версия #1

Зверобой создал 15 января 2026 23:29:08

Зверобой обновил 15 января 2026 23:30:44